

ФАНАТИЗМ КАК ДЕЗОНТОЛОГИЗАЦИЯ ВЕРЫ

Гридчин Антон Владимирович,

Белорусский государственный университет (г. Минск, Беларусь)

Статья посвящена концептуальному анализу феномена веры, которая выступает в качестве основания любого религиозного сознания, и феномена фанатизма как явления сугубо модернистического. Также выявлена онтологическая связь фанатизма с религиозной и расовой нетерпимостью.

В свете проблем десакрализации и секуляризации религии, в современном плюралистическом мире нарастают тенденции экстремистского характера. Обмирщение религиозных ценностей приводит к искаженной интерпретации мессианских, эсхатологических, сотериологических чаяний мировых религий. Это, в свою очередь, является фактором, способствующим образованию террористических группировок

религиозно-экстремистского толка, противоборствующих как иным религиозным верованиям, так и обществу в целом.

Прежде, чем перейти к детальному рассмотрению вопроса, было бы небезынтересно ознакомиться с этимологией данных понятий. Слово вера старославянского происхождения (вѣра), является калькой с греческого «πίστις» (Пистис), которое, в свою очередь, обнаруживает корни в древнегреческой мифологии в слове «πίστιος» (Пистиос, верный) – один из эпитетов Зевса; греческое «πίστις» имеет скорее значение «твердость», «устойчивость», «верность» и часто противопоставляется лжи, как «истина», «искренность», «прямота» [1, с. 671]. Веру в таком случае следует понимать, как преданность высшим идеалам, некую принципиальность, которая в жизни выражается как стойкость, выносливость по отношению к жизненным тяготам и испытаниям. В украинском и чешском языках вера, пишется как «вира», также прослеживается связь с ивритским словом «овира», что буквально означает «в воздух». Отсюда в русском языке, в строительном словоупотреблении, мы находим слово «вира» – вверх. Санскритское слово «вира» означает герой, в латинском языке мы находим слово «virilis» – мужской, свойственный мужчине (вирильность).

Из всех вышеприведенных значений можно заключить, что это слово изначально имеет религиозный подтекст и понимается онтологически, нежели в привычном бытовом смысле, как убежденность, уверенность. Вера – это то, что позволяет человеку возвыситься над своей феноменальной природой, она представляет собой антропологическое размыкание человека по отношению к горним сферам бытия. Это перманентная связь человека как экзистенциального существа с первоисток, центром бытия, Богом. В личностном смысле веру скорее следует понимать, как доверие, как вверение своей жизни под руководство высших сил. При таких условиях можно говорить о синергии волей, т.е. сложении волей субъективной и объективной. Такая перманентная открытость предполагает беспрепятственное осуществление промышленного проекта на всех уровнях человеческого бытия: личностном, социальном, историческом [2, с. 14].

Рассматривая понятие «фанатизм», мы также можем обнаружить религиозное происхождение это термина. Нужно уточнить, что такое явление как фанатизм, далеко не ограничивается религиозной сферой, но здесь мы сосредоточимся на его религиозном проявлении, как наиболее радикальном и показательном. Понятие «фанатик» происходит от латинского слова «fanum» (храм, святилище), применяемое для обозначения жрецов, практикующих экзотические культы; также в этимологическом словаре русского языка Макса Фасмера можно найти следующие сопоставления: от латинского «fanaticus» – одержимый божеством, неистовствующий, иступленный от «fanum» – «святыня», к одержимости идеей [5]. В самом общем смысле фанатизм – это лишенная рационального коррелята слепая вера в какую-нибудь идею. Причем в силу духовной слепоты и незрелости, фанатик выхватывает только ту часть идеи, которая субъективно согласуется с его инфантильными представлениями о реальности. При этом вся полнота и антинормичность жизни, напряжение и вопрошание, то что как раз и является глубинным содержанием религиозного сознания, он с легкостью упраздняет, оставляя себе не суть и смысл, а пустой идол, которому верит, которому служит и за который готов умереть. Как правило вычленяется такой аспект религиозной идеи, который отражает ее всеобъемлющий характер, но в силу обмирщенности и секулярности фанатичного сознания, эта тенденция к абсолютизации будет распространяться только в пределах феноменальной сферы – речь идет, в первую очередь, об аспекте мессианско-эсхатологической направленности [4, с. 231].

Понятие абсолютизации близко понятию идеализации: смысл последнего сводится к наделению качествами идеального реальных объектов. Идеализация как та-

ковая, есть ничто иное, как наделение чрезмерной ценностью объектов реального мира. Вера жезаключается в том, что человек не оценивает, а ценит. Оценка, суждение всегда имеют рациональное происхождение, разделение на свое и чужое носит прагматический характер, по-настоящему же ценить можно только «сердцем». Только «сердце», как центр человеческого бытия, способно объединить и примирить свое и чужое. Следовательно, в своих истоках вера опирается на ценностное отношение к бытию, которое не имеет ничего общего с отношением прагматического оценивания. Оценивание же имеет рациональную природу и неизбежно выливается в фанатизм, определяющий окружающую реальность как чужую, враждебную, не имеющую ценности. Таким образом, абсолютизация авторитета функционально осуществляется на уровне разума, вера же возникает из безусловного сердечного приятия, из бескорыстного ценностного отношения к миру, как имеющего начало в Боге. Обратим внимание: «сотворение кумира» есть не что иное, как абсолютизация относительно, а идолопоклонство – это деятельная реализация такой абсолютизации. Вот, что писал С. Франк о идеализации: «Чем пламеннее их вера в определенный идеал, чем более незбылем авторитет этого идеала, тем более слепо и жестоко они калечат и разрушают жизнь» [4, с. 236].

Таким образом, ключевой особенностью фанатичного мышления и сознания в целом является принципиальная неспособность видеть какие-либо свидетельства разума, даже при их очевидности для окружающих. И тут становится видим социальный характер фанатизма, т.к. выявляется он только со стороны общества, и становится очевидным в той степени в какой исключает и отрицает последнее. Если вера как фундамент становления личности неразрывно связана с ценностным, культурным отношением к Миру, Истине, Другому, то фанатизм отрицает культурное единение, соборность, общность. Крайний формализм и эксклюзивизм религиозных фанатиков, полагает также крайнюю несводимость и разделенность между иными религиозно-идеологическими формами, в виду отсутствия общего онтологического центра. Противоборство всяческому инакомыслию рассматривается, как положительное явление, как священная борьба во имя добра против зла. Это предельная онтологическая обособленность выливается также в радикальные методы вражды и противостояния (джихадизм, крестовые походы, массовые самоубийства).

Мессианская задача верующего человека по приближению «золотого века», осуществляется в борьбе с внутренним врагом, имеет личностный характер и направлена на преобразование внутреннего бытия, тогда как для фанатика первостепенным является приближение «земного рая» и борьба с врагом внешним. Как отмечал Н. Бердяев, «психологически фанатизм связан с идеей спасения или гибели. Именно эта идея фанатизирует душу. Есть единое, которое спасает, все остальное губит» [3, с. 70].

Исходя из вышеприведенных соображений, можно сделать некоторые выводы: во-первых фанатизм как таковой к вере имеет косвенное отношение, и скорее является ее дезонтологизацией, симулякроем нежели одной из ее форм или модификаций; во-вторых фанатизм крайне рационалистичен, «бессердечен», связан с чрезмерным наделением значимостью отдельных объектов реальности (идолизация), тогда как вера за основу берет ценностное отношение к жизни и базируется на принципах любви и сердечного приятия; в-третьих, фанатизм является сугубо социальным феноменом, он направлен на тотальное преобразование общества либо посредством идеологического мессианства, либо посредством военного воздействия.

Литература

1. Православная энциклопедия: в 17 т. 2000–2007 – Православная энциклопедия: в 17 т. – М., 2000–2007. – Т. 7. – С. 671.

2. Хоружий, С.С. Очерки синергической антропологии / С.С. Хоружий. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – С. 13–20.
3. Бердяев, Н.А. О фанатизме ортодоксии и истине / Н.А. Бердяев // Человек. – М., 1997. – № 9. – С. 67–75.
4. Франк, С.Л. Крушение кумиров / С.Л. Франк // Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 230–236.
5. Фасмер, М.Р. Этимологический словарь русского языка / М.Р. Фасмер. – М.: Прогресс, 1964–1973.